

АНАТОЛИЙ ГРЕШНЕВИКОВ

БЕЗ ВЕСТИ ПРОПАВШИЙ

По сей день ругаю себя за то, что послушал отца и не поехал искать его сожжённую фашистами деревню и пропавшего без вести на войне деда. Говорят, человек легче прощает себя, чем других. Со мной всё иначе: отец давно ушёл из жизни, унёс с собой остатки сведений о том месте, где родился и вырос, а я так и не побывал там, не успокоил свою тревожную совесть.

И сколько бы времени я мучился ещё, бередил душу понапрасну, если бы не сыновья.

— Папа, а что мы всё говорим да говорим, что неплохо бы отыскать родину отца, а сами не едем?! — вопрошающе воскликнул твёрдым голосом старший сын Евгений и тотчас предложил: — Давай через неделю поедем и найдем его деревню. Как она называется?

— Гавричка, — растерянно произнёс я. — Так в паспорте отца записано. И он её запомнил под таким названием. Ему было 12 лет, когда он её покинул и больше туда не вернулся.

— А район какой?

— Оленинский район Тверской области.

— Я завтра составлю маршрут поездки, а вы с мамой собирайтесь в дорогу.

Решительность сына пришлась мне по душе. Ехать хоть и далеко предстояло, но ведь я не раз собирался, изучал дорогу, и когда-то надо было подняться и исполнить мечту. Но хватит ли сил, не нарушат ли наши планы неотложные дела, и отыщем ли мы без подсказки местных жителей ту деревню, в которой уже давным-давно никто не живёт?! Пару лет назад мой помощник Николай Панасенко, проживающий в Твери, самостоятельно поехал разыскивать деревню отца, едва достиг по разбитым дорогам предполагаемого места, но, сделав дюжину снимков заросших полей, речек, перелесков и болот, что окружали предполагаемую деревню Гавричка, всё ж до неё самой не добрался. Подаренный им красочный фотоальбом более пугал загадками и непредсказуемостью, чем радовал, вселял надежду.

Тревожные мысли и чувство боязни заблудиться пропали, как только Евгений обрисовал нам намеченный маршрут, составленный по картам и из бесед с бывшими жителями деревни Гавричка, которых ему удалось разыскать по интернету. Но самым успокоительным и внушающим доверие было то, что на месте исчезнувшей деревни нас ждал по договоренности с сыном молодой проводник. Вернее, он должен был встретить нас на подступах к деревне, так как сама она давно распахана и занята московским олигархом под охраняемое охотничье хозяйство, и сопроводить туда. Без разрешения, любопытства ради на закрытую территорию просто так не попадёшь. Замечательно, что Евгений отыскал и уговорил незнакомого парня Николая, который как раз и работал у олигарха электриком, выступить в роли проводника.

В поход по незнакомым местам мы пустились ранним утром. Евгений был за рулём, я разместился рядом с ним, а моя жена Галина и младший сын Дмитрий сидели на заднем сиденье. Первая остановка была намечена в городе Калязине.

По замыслу Евгения, давно пристрастившегося путешествовать как по российским, так и по заграничным памятным местам, мы должны останавливаться в каждом городе и крупном селе, где есть интересные музеи и исторические достопримечательности, и знакомиться с ними. Сыновья считают, что это расширяет кругозор, а по-моему, ещё и напитывает душу. Заночевать у нас запланировано на полпути в городе Ржеве, о котором мой отец Николай Васильевич, а все родственники звали его просто Василич, говорил, что там во время войны на его глазах горели даже камни и вода.

Не знаю – почему, но по пути следования мне неожиданно чудным образом пришла мысль: ехать и всё, что отмечают глаза и западает в душу, рассказывать невидимому отцу, пусть мысленно, а порой и вслух, лишь бы отец слышал там, на небесах, что мы через годы и тернии пробираемся к его родине, хотим помолиться и поклониться его земле. Доведись ему проехать с нами по родной области – он вряд ли узнал бы старые небольшие города, где доводилось в детстве бывать, так как они за столько лет крепко изменились. Но ему было бы интересно увидеть, как восстановились некоторые из них, где война заставила его скитаться, что в них сохранилось от того, а что навечно утрачено, чем заняты люди и о чём они мечтают. А раз его нет со мной рядом, то я поведаю ему о жизни этих городов.

До двух городов – Калязина и Кашина, ближе всех граничащих с Ярославской областью, – Василич наверняка не дошёл. Уж слишком далеко они находились и от родного посёлка Оленино, и от города Ржева – на другом краю области. И все же я не мог не поговорить с отцом о старом купеческом уездном городе Калязине, прозванном в народе Волжской Атлантидой или Китеж-градом, не рассказать сыновьям о его трагической истории. Когда сюда в 1939 году пришла беда, Василичу было 9 лет, и он не знал, что при строительстве Угличского водохранилища под воду ушло чуть ли не полгорода.

Общение с отцом было мысленным, молчаливым, а с детьми – откровенным и назидательным. Я с грустью смотрел на просторное рукотворное море, в водах которого притаилась на островке чудом уцелевшая колокольня, и верил, что отец разделяет мою боль. За свою жизнь он освоил много профессий – валял валенки, подрабатывал гончаром, пас скотину, делал мебель. Однако считал себя плотником, и за долгую крестьянскую жизнь подарил людям сотню красивых бревенчатых домов. В то время, когда деревни были объявлены неперспективными и их приговорили к сносу, я впервые увидел на глазах отца слёзы. Для него уничтожение живых домов или даже разборка и перенос их в другие населённые пункты означало беду. А тут, в Калязине, водяной молох поглотил сразу 500 домов, торговую площадь с магазинами, лавки с гончарным производством, мастерские по росписи матрёшек. Взорваны и навечно ушли под воду остатки двух древнерусских обителей – Троицкий Макарьев и Николо-Жабенский монастыри. От последнего осталась та колокольня, что зримо напоминает по сей день о трагедии прошлых лет. От старой и самой живописной части города ничего не осталось. Сохранились лишь около 20 нарядных каменных домов калязинских купцов. К ним я мысленно и веду отца, говорю об их исторической значимости и верю: отец радуется вместе со мной живучести зданий, тому мастерству, которым владели наши предки. И нет того общего восторга при виде колокольни, не взорванной лишь потому, что её превратили в маяк. Есть лишь тяжелое впечатление от былой красоты.

С сыновьями веду разговор о жалости и горечи утрат, о том, настолько ли необходимо было строительство водохранилища, затопившего в округе всё и вся, и почему ради добычи дешёвого электричества жертвовали древними городами, обжитыми деревнями с их пойменными лугами, церквями и кладбищами, на которых из поколения в поколение хоронили родных и близких?! Утопили город Мологу и большую часть исторического центра Калязина, остатки старого городища Синятина и древнюю крепость Святослава Поле... А сколько разрушено человеческих судеб! Бывая в этих краях по краеведческим делам, я слышал от старожилов, как многие из них не смогли вывезти не только родные дома с мест затопления, но и перезахоронить своих

дедов и прадедов. По возвращении домой я рассказывал подобные истории Василичу, и он подолгу молчал, думал о чём-то своём, а потом с сумрачным лицом начинал бранить чиновников, презирающих и законы природы, и обычаи людей. Для меня странным было и тогда, и сегодня, почему люди с высшим образованием, с пониманием, каким бедствием оборачивается для человечества надругательство над миром экологии, всё же идут на преступление, а крестьянский сын Василич выбирает, а вернее, отдаёт предпочтение не комфорту человека, а его безопасности и нравственному благополучию.

Неутешительный разговор с отцом я продолжил уже в следующем городе – Кашине, куда мы прибыли в намеченный час. Расположен он у трёх рек – Маслянки, Кашинки и Вонжи. На травянистом берегу одной из них я остановился, рассматривая в её спокойных водах жёлтые кувшинки. Живописный ландшафт очаровывал и манил к себе, в отличие от видневшихся разбитых улиц, сохранивших старые деревянные избы с резными наличниками. Вдали виднелся могучий православный храм с едва заметными следами реставрации и с главами-макушками, покрытыми все, как одна, вместе с колокольней тёмно-синей металлочерепицей. По зову души потянуло пройти по городу.

Перед храмом нас встретил памятник местной святой благоверной княгине Анне Кашинской – строгий, величественный, напоминающий о её духовных подвигах. В самом соборе с полуразбитыми колоннами шла церковная служба. На пустых стенах висели старые намоленные иконы, принесённые, скорее всего, старушками из дома. Храм, видать, с трудом восстанавливался и избавлялся от следов воинствующего атеизма. Я присоединился к молящимся пожилым женщинам в длинных платьях, перекрестил лоб и повторил слова той молитвы, что знала моя бабушка. Мужчин рядом не было. Это обычное пагубное дело, когда за Россию и её детей молится женская половина, а крепкие мужики разбегаются по пивным или сидят у телевизора. Грехи разрушительных лет отмаливают слабые. . . Мне грустно от того, что уставшие от трудов и забот наши рукастые, двурульные и неленостные женщины денно и ночью несут духовную вахту. Я представил, что рядом стоит отец и неистово молится. Кажется, ему не доводилось на старости лет исповедаться. Но сегодня он стоит рядом со мной. Или я рядом с ним. Мы молимся в едином порыве. И перед нами оживает древний собор, хранящий память о подвигах предков. Отец смотрит на меня с укором, и я страшусь его вопроса: “Что же мы сделали, сынок, со своей матушкой-Россией, разрушив её величественные храмы, превратив уютные города с купеческими домами и промыслами в развалины, свалки и безликость, не построив при этом подобных божественной красоты храмов искусств?! Кругом одни однообразные, серые, аляповатые в архитектуре дома-коробки. Стыдно-то как, сынок!”. А мне и вправду стыдно. Не вижу отца, но хочу ему в оправдание ответить вопросом на вопрос: “Не мы разорители. . . Надо говорить, как мы допустили разорение всего того, что сотворили трудом, красотой и потом наши предки?!”. Отец качает головой, видимо, не соглашается, даёт понять, что раз всё зло запустения произошло на наших глазах, то и вина наша общая.

И вот я выхожу из храма, сыновья с женой идут позади, и вижу, как мрачен и однообразен город. Спрашиваю у первых встречных прохожих, а где тут у вас находится дом известного купца-хлебопромышленника Жданова, а сохранились ли в городе “присутственные места”, где писатель Салтыков-Щедрин судился со своей матерью, которая приезжала сюда из родного соседнего Калязинского уезда, чтобы взыскать с сына долг?! Горожане недоумевают, смотрят на меня, будто я инопланетянин. Какой ещё Салтыков-Щедрин? Откуда тут взяться купцу-хлебопромышленнику? Тогда я говорю, что дом купца Жданова раньше считался самым нарядным, с лепными украшениями, с балконом и крыльцом тонкого художественного литья, а теперь в нём должна размещаться школа. “Если это та школа, что на Пушкинской набережной, то вам надо свернуть налево”, – раздаётся равнодушный совет.

Услышав имя Пушкина, задаю ещё один волнующий меня вопрос: а как найти здание бывшего духовного училища, где преподавателем работал Александр Петрович Куницын? Он менее известен как профессор права, но знаменит тем, что был учителем и наставником у самого Пушкина. В ответ – всё то же поразительное незнание. Про художника Венецианова, который часто приезжал в Кашин и неустанно восторгался редкой красотой многочисленных местных церквей, я не стал спрашивать.

“Видишь, отец, это поколение русских не только не обустроивает свой город, оно даже не помнит его историю, — продолжаю я свой мысленный тяжёлый разговор с Василичем, — не знает его героев и подвижников. Они не могут привести в порядок свои дома, подновить крыльцо и крышу, подкрасить наличники. Ладно, в городском бюджете нет денег на большой ремонт всех домов, но им по силам и средствам взяться и всем вместе потюкать молотком и повозить кистью сначала хотя бы на одном здании, затем на другом. Ничего не делая, мы пускаем безделье и равнодушие. А о каком нравственном здоровье может идти речь, если молодое поколение растёт среди грязных улиц, свалок и обшарпанных, покосившихся домов?”.

С этими будоражащими душу мыслями я остановился у дома под номером 59 на улице Большой и замер. Наконец-то радость глазам! Широкий двухэтажный дом выглядел, как терем, — с изящным балконом, свисающим со второго этажа, с кованой узорчатой крышей над крыльцом, с белоснежными наличниками на ровных дощечках, выкрашенных в приятный голубоватый цвет. Весь этот гимн мастерства и самобытности — из прошлых лет. Современные хозяева, видя такую красоту каждый день, не могут поправить даже вход на крыльцо, который развалился и ушёл в землю. Пройдёт ещё год, и в дом будет трудно войти по сгнившим брёвнам, уродливо сколоченным обломками досок. Боковой пристрой к дому, выкрашенный почему-то в другой, жёлтый цвет, тоже свидетельствует о нарастающей запущенности, так как окна его на первом этаже уже заколочены досками.

Вскоре мысли о нарядном доме с неотремонтированным помостом для крыльца понудили меня поговорить с сыновьями.

— Стоило ли совершать революцию и разрушать в одной только Тверской губернии 1500 дворянских усадеб, затоплять при строительстве Угличской ГЭС купеческие города и сотни крестьянских владений, если города Калязин и Кашин, да и другие — малые, древнерусские — выглядят так, будто по ним Мамай прошёл?! — задаю я риторический вопрос. — Найдёте ли вы в Кашине, скажем, хоть одно изящное здание наподобие кафедрального Вознесенского собора? Чего не хватает молодым — силёнок, сноровки, денег, желаний?

— Построены были заводы, мосты, Дворцы культуры, — откликнулся Евгений. — Раз построили гидростанцию, значит, нужна была энергия.

— Жилых домов для народа вон сколько понастроено! — вступил в разговор младший сын Дмитрий. — Пусть они не смотрятся, некрасивые, но людям где-то надо жить.

— А тех людей, которые лишились малой родины и могил дедушек и бабушек, вам не жалко? — рассердился я.

— Жалко, — отвечает Дмитрий.

— А великолепный храм, который мастера строили на пожертвования крестьян, не жалко?

— Тоже жалко.

— По-вашему выходит — цель оправдывает средства.

— Это как?

— Тебе не хватает, грубо говоря, земли у дома под гараж для новой машины, ты выгоняешь соседа из дома, рушишь его и строишь на завоеванном пустом месте нужный тебе гараж.

— Так нельзя. Города и деревни затапливали, потому что электричество нужно было всем.

— Потому я и говорю: цель оправдывает средства... Но если цель — электроэнергия, то почему бы её не дать всем за счёт других источников — безвредных и экологически чистых?

— Где же их столько взять?

— Но затопленные города и деревни как-то без гидростанции жили, производили даже и промышленную, и сельскохозяйственную продукцию, причём в громадных объёмах. В Калязине даже корабелы трудились.

— Не знаю, — махнул рукой Дмитрий, уставший мне возражать. — Я знаю одно: научно-технический прогресс не остановить.

— Он-то нас и ведёт к гибели, — заключил я, решив поставить точку в наших сложных разногласиях. — Не мы первая цивилизация, до нас они тоже были, но сгинули, причина та же — вместо нравственного прогресса развивали научно-технический. Вот земля и не выдержала прогрессистов и нигилистов.

Но разговор решил продолжить Евгений.

— Мы стремимся не отстать от других стран, — сказал он.

— Смотря в чём?! — недоумённо отзывается я. — Если в создании ракетно-ядерной обороны, то да. А если в процветании и чистоте малых провинциальных городов, то мы уже отстали. Ты вот едешь за границу и видишь, что там в городах и деревнях нет ни порушенных церквей, ни покосившихся домов, ни разбитых дорог. Да и нищеты такой, какая у нас царит повсюду, нет и быть не может. Там уважение есть и к природе, и к истории, и к земле.

— Согласен, — кивнул Евгений.

— Почему наши современные дома столь некрасивы, непривлекательны — понятно, их строили потоком, пятилетку за три года. Но отремонтировать их, покрасить — разве нельзя?

— Обленился народ.

— Не народ обленился, а молодое поколение. У нашей бабушки Александры Дмитриевны какой дом был, сад, цветы — загляденье! Василич каждый год ремонтировал ей то крыльцо, то крышу, то завалинку. Бабушка до 90 лет козу держала, куриц, в огороде выращивала и картошку, и клубнику. Соседние молодые мужики приходили покупать у неё куриные яйца, сами ленились держать птицу. Молодёжь у нас стремится впихнуть в жизнь всё — машины, компьютеры, телефоны, микроволновки. Ей всё быстрее и быстрее нужно всё получить, а времени подумать, понаблюдать, почитать — нет. Потому и жизнь вокруг серая, беспросветная. Молодёжь забыла про традиции, разучилась слышать тишину, не знает цену природе с её первобытной красотой. Вот Василич не гнушался работать на земле, потому что её любил, считал кормилицей, видел в ней смысл жизни, и была она для него всегда зачарованной. А молодёжи подавай дешёвую энергию и компьютеры, но дом отремонтировать лень.

Наш разговор прервала Галина. Опасаясь, что я ненароком обижу горячим словом детей, она то и дело дёргала меня за рукав рубашки, предлагая отправиться в путь.

Мы сели в машину и поехали дальше, попрощавшись с неухоженным городом.

Дорога должна была успокоить нас всех и настроить на позитивный лад. Однако настрой на хорошее настроение себя не оправдал. Нервничать нас заставила не дорога в частых колдобинах, а густые заросли ядовитого борщевика, растянувшегося длинными рядами вдоль неё. Нигде я не видел такого нашествия на поля, перелески, опушки и луга этого опасного растения. Наглый борщевик рос не только в длину и ширину, убивая траву и цветы, но и поднимался высоко в небо, загораживая тем самым и восход солнца, и те луга, что скрывались за ним и уцелели пока от варварского нашествия. На глаза не попалось ни одного поля, которое оказалось бы засеянным рожью или ячменём. Хоть и трудно мне, крестьянскому сыну, привыкнуть к той современной сельской картине, когда многие поля заросли бурьяном и кустарником, но тут некогда пахотная земля пала под натиском чужеродного сорняка, и это вызывало ещё большее возмущение. Сыновья не меньше меня были поражены наглым движением борщевика, заполонившего огромные сельские пространства.

Природа не в силах была справиться с неудержимым захватом. Но где же человек, почему не поможет ей, не спасёт... Вспомнился Василич, старательный, прилежный к труду, как выкашивал он траву на овишках возле дома — за каждый клочок боролся, не оставлял ни одного малого островка душистых растений. Заметив однажды вымахавший у поленицы длинный лопух, он быстро его срубил. “Нехорошо получается, — пробормотал он тихо. — Соседи сочтут, что мы неряхи...”. Я долго искал в словаре Ожегова, что означает это неприличное слово, и, не найдя, понял на всю жизнь: оно обозначает нечто презрительное. Посмотрел бы сегодня Василич на то, как борщевик нагло разрастается и жиреет, при этом на глазах сотен людей, он бы не сдержался, выругался: “Ну, и неряхи здесь живут!”. А мне бы пояснил, обняв за плечи сильной и жёсткой рукой: “Земля перестала чувствовать благодарность к человеку за то, что он проник в её жизнь и, предав, отдал чертополоху, а не пшенице и цветущим лугам!”

За окном машины мелькал километр за километром, а борщевик не пропал, рос плотнее и плотнее. От мысли, что он будет сопровождать нас до

Ржева, стало жутковато. “Как же так, Василич, в сороковые годы людей на- сильно выживали с земли, чтобы её затопить, а они плакали, теряя дома, покосы, пойменные луга, а сегодня те же люди сами бросают землю и отдают её ядовитому борщевнику?!”. И мне кажется, что я слышу ответ: “Нет, сынок, это уже не те люди...”

– Ты чего там бормочешь? – прервал мои мысли вопрос Галины.

– Василича вспомнил, – коротко отозвался я.

И вдруг перед нами открылась небольшая деревенька, почти вся утонувшая в зарослях борщевика. У некоторых домов за ними не видно было даже окон. Привычное дело в деревнях на окнах видеть герань, а тут – ужасающих размеров зловещие зонтики, стучащие по стеклу.

– Папа, смотри! – воскликнул Евгений и нажал на тормоза. – Дом весь окружён борщевиком. Тут же страшно жить!

Мы вышли на улицу. Ещё страшнее стало от того, что к дому нельзя было подойти ни с одной стороны. Дом явно был бесхозный, тропинки к нему не было, и хозяин давно в него не заглядывал. Ежели бы приехал и попытался добраться до крыльца, то обжёт бы руки и даже лицо.

У других домов сорняк был немного вырублен. Значит, там люди жили. Но, скорее всего, лишь летом, а на зиму уезжали в города.

Потонувший в дебрях сорняков мрачный, почерневший от непогоды домишко вдруг привлек моё внимание необыкновенным наличником. Мастер вырезал на нём не цветы и прочие вензеля, а двуглавых орлов. Я двинулся к нему, но лес борщевика встал передо мной тёмно-зелёной стеной. Она была плотной, пугающей. Но я уже загорелся сделать снимок и расчехлил фотоаппарат... Увидел валяющуюся у дороги обтёсанную топором жердину, поднял её и слегка раздвинул мешающие растения.

Снимок должен был получиться великолепным.

Дальнейший этап путешествия принёс нам полное душевное разочарование... После ночного движения лесовозов, вывозящих берёзы и сосны на распродажу, всё дорожное полотно было завалено мёртвыми ежами. Они переходили с одного лесного участка на другой, охотились, так как были ночными зверьками, и попадали под большие колёса. Водители при свете фар не могли не видеть их, но давили, не желая сбавить скорость и объехать невольного нарушителя. Хотя какой ёжик нарушитель! Он шёл проверенным, изхоженным путём, тем, что ему достался от сородичей. Как птицы летят по внутреннему компасу, так и лесные зверьки придерживаются его указаний.

Давно не слышал, как сыновья бранились, эмоционально выражая гневное недовольство поступками водителей. Значит, сами так не поступили бы... Закончился лесной массив и открылись незнакомые бугристые поля. Вместо трактора с плугом их перепахали кроты. Мы на пару минут остановились перевести дух, успокоиться и размять ноги. За редким перелеском и тёмным оврагом монотонно насвистывала какая-то неизвестная мне птица. Через минуту к ней присоединилась другая.

Заметив, что птички голоса придали мне спокойствия, Евгений решил включить магнитола. И поставил диск с песнями в исполнении Кубанского казачьего хора, сербских древних композиторов, затем песни Жанны Бичевской, Дмитрия Хворостовского, отца Романа... Младший сын Дмитрий тоже нередко, когда мы собирались за семейным столом отметить какой-нибудь праздник, включал мои любимые песни, зная, что именно они приносят мне радость.

Ехать, когда по перелескам и лугам несётся песня на слова Николая Рубцова “Тихая моя родина”, было и грустно, и в то же время радостно...

С каждой избою и тучею,
С громом, готовым упасть,
Чувствую самую жгучую,
Самую смертную связь.

На лирической волне я решил затеять разговор о смысле жизни. Начал издали:

– Дима, взял бы ты фотоаппарат, проехался по деревням и сфотографировал все изящные, оригинальные наличники, выпустил бы чудной красоты альбом в назидание потомкам, для сохранения крестьянских плотничьих шедевров.

– Папа, мне что, делать нечего?! – послышался скорый и неодобрительный ответ.

– У всех у нас дела – срочные и большие, но если ты не сделаешь этого, то никто больше не сделает. И пропадут образы налечников, как пропали образы прялок, колодцев с журавлями.

– Человек должен заниматься тем, что ему интересно. Налечники в поле моих интересов не попадают.

– Понятно...

Жена согласилась с сыном. А я, чтобы разговор не зашёл в тупик и не приобрёл обидный характер, переключился на Евгения.

– Женя, скажи, в чём заключается смысл жизни?

Сын был явно обескуражен прозвучавшим серьёзным вопросом. Чувствую, что он пытается сосредоточиться. И когда у него созревает нужный ответ, хладнокровно начинает рассуждать:

– Наверное, в том, чтобы реализовать себя, свои способности. Найти, в общем, свой интерес в жизни и жить в согласии со своим внутренним миром.

– Что значит “свой интерес”? – уточняю я.

– Всегда быть созидателем, обогащать свою душу.

Ход мыслей сына меня успокоил, они были понятны и близки. Главное – в нём отсутствовало равнодушное отношение к жизни, а, как известно, равнодушный не станет беречь себе душу.

Город Бежец встретил нас праздником. На улицах взад-вперёд сновали весёлые люди с надувными шариками, в разноцветных костюмах и платьях. Здесь отмечался День города. Я узнал об этом из дешёвого транспаранта, натянутого между добротными каменными домами. Критический взгляд отметил – фасады внушительных и изящных старинных особняков с колоннами давно обветшали. Но некоторые деревянные дома в два этажа и обшитые тёмным всё-таки выглядели нарядно – их и подновили, и покрасили. Мы прошли по одной из тихих солнечных и зелёных улиц, любясь старательной пропильной резьбой на окнах и балконах.

Не отрываясь от намеченного плана, мы устремились на поиски музеев, посвящённых писателю В. Я. Шишкову и всемирно известному музыканту-балалаечнику В. В. Андрееву. Ещё в студенческие годы роман Шишкова “Угрюм-река” порадовал меня мощным и богатым сюжетом, чистым языком. Автор досконально знал Россию, и его герои научили меня замечать то, чего другие совсем не видят. А основатель великорусского оркестра балалаечников Андреев постоянно звал меня искать и поддерживать народное творчество, приумножать отечественные музыкальные традиции. Задолго до появления на экранах телевидения легендарной передачи “Играй, гармонь!” под руководством Заволокина я собрал по деревням и селам Борисоглебского района всех забытых балалаечников и запустил их в клубы и Дома культуры. Концерты и конкурсы народных талантов проходили всегда при полных залах восторженных земляков. А теперь я приступил к написанию книги о современном композиторе-балалаечнике Юрии Клепалове, который подвижнически продолжает дело Василия Андреева и пропагандирует по всему миру русскую балалайку, вынуждая даже чужестранцев стоя аплодировать ей.

Как назло, оба музея были на замке. На мой вопрос, почему они закрыты и не работают в День города, прохожие сказали, что там идёт ремонт. Вернувшись в центр и отыскав на книжной ярмарке заведующую отделом культуры, я попытался выведать у неё причины закрытия музея, поведав о своей давней мечте встретиться с непревзойдённым музыкантом Андреевым в его родном доме. Чиновница, узнав, что перед ней стоит депутат Государственной Думы России, испугалась и пошла на обман, заявив, что оба здания недавно ушли на ремонт и вскоре откроются. Неправда раскрылась быстро. Миловидные девушки, работающие в местной библиотеке, услышав наш разговор, шепнули мне после ухода чиновницы, что музеи Андреева и Шишкова уже более пяти лет стоят закрытыми. Не верить им у меня не было оснований, потому что перед глазами тотчас предстали покосившаяся дверь дома музыканта, заколоченные окна первого этажа и крыльцо, заросшее грубой травой.

Подарив библиотекарям свои авторские книги, мы, по их указанию, отправились на поиски двух памятников, связанных с именем Андреева. Первый стоял у бездействующего музея в виде бюста на гранитной колонне. Второй

располагался в парке и символизировал гимн самому народному русскому инструменту – трёхструнной балалайке.

Памятник мы отыскали без труда. На постаменте под аркой грациозно размещалась балалайка, надпись на цоколе гласила: “И возродилась балалайка здесь!”

О сохранённой горожанами любви к народной музыке я догадался по небольшому концерту, состоявшемуся возле памятника. Все артисты были воспитанниками местного музыкального училища или школы искусств. Я был очарован знакомой песней о Волге, текущей издалека-долго, в исполнении симпатичной белокурой девушки с очень живыми глазами, одетой в бледно-розовое платье. Она не просто пела – она плавными движениями рук показывала и ширь, и силу нашей великой русской реки. Аккомпанировали ей на баянах две школьницы. То были трогательные минуты радости встречи с неумиряющим народным искусством. Сожалеть приходилось только об одном: что в парке нас, зрителей и слушателей, было гораздо меньше, чем самих участников концерта. Горожане привычным делом, как и повсюду по стране, толпились-тусовались в центре, где гроыхала рок-музыка и рекой лилось вино.

Мои переживания за возвращение в творческую жизнь музея балалаечника Андреева подвигли меня заступиться за него и после путешествия направить депутатские запросы министру культуры и губернатору с тем, чтобы они выделили средства на ремонт. Прошло время, и началась переписка, и пришёл положительный ответ, и отступило беспощадное равнодушие чиновников.

Один из письменных ответов история должна сохранить, не обязательно как документ, но как руководство к действию.

Заместитель председателя правительства Тверской области А. В. Белоцерковский написал мне:

“Уважаемый Анатолий Николаевич!

Правительство Тверской области рассмотрело Ваше обращение в адрес Губернатора области И. М. Рудени по вопросу выполнения ремонтных работ в зданиях музеев, расположенных в г. Бежецк, и сообщает следующее.

Законом Тверской области “Об областном бюджете Тверской области на 2018 год и на плановый период 2019 и 2020 годов” предусмотрены финансовые средства в сумме 5863,3 тыс. руб. на разработку проектно-сметной документации на производство ремонтно-реставрационных работ одного из зданий Бежецкого мемориально-литературного и краеведческого музея (здание бывшего уездного, затем городского училища, где в 1882–1888 гг. учился писатель В. Я. Шишков).

Также при формировании обоснований бюджетных ассигнований на 2019 год и на плановый период 2020 и 2021 годов в рамках реализации государственной программы Тверской области “Сохранение, популяризация и государственная охрана культурного наследия Тверской области” на 2018–2023 годы” предусмотрены финансовые средства в сумме 35 571, 8 тыс. рублей.

На проведение ремонтно-реставрационных работ на объекте культурного наследия “Здание городского училища, XIX в.”, г. Бежецк в сумме 27 866,5 тыс. руб.

На разработку проектно-сметной документации на проведение реставрационных работ второго здания Бежецкого мемориально-литературного и краеведческого музея (объект культурного наследия “Земская библиотека, нач. 80-х гг. XIX в. Здание музея В. В. Андреева) в сумме 7 707,3 тыс. рублей”.

После концерта в парке мы зашли помолиться в древнюю церковь, притягивающую позолоченными куполами и живописной кладкой из красного кирпича. Внутреннее убранство её поразило и оригинальным невысоким иконостасом, и множеством разных икон, отдельно расположенных вдоль стен. Лаконичные, тёмные, резко очерченные образы святых заметно выделялись на золотом фоне досок. Мы подошли к ним, чтобы помолиться, поставить свечи. К двум особо почитаемым образам святых Николы Чудотворца и преподобного Сергия Радонежского, запечатлённых на довольно старых, потрескавшихся иконах, я приложился, испросив у святых заступников благословения... Следом за мной к ним приложились, перекрестив лбы, Евгений и Дмитрий.

– Извините, а как называется этот храм? – спросил я у бабушек, сидящих на лавочке у свечной лавки и наблюдавших за нами. – Уж очень он домашнему уютен!

Одна из старушек в вязаной кофте догадалась, что мы приезжие, потому тяжело поднялась и подошла ко мне. На её морщинистом лице заметно пробежала улыбка – знак того, что ей приятен был мой интерес.

– Это церковь Спаса Нерукотворного Образа, – охотно заговорила она. – До революции у нас в Бежецке насчитывалось около 20 церквей. Самые красивые из них были разрушены, а этот уцелел. А я смотрю, вы с семьёй пришли, с сыновьями?

– Да, это мои дети.

– Правильно, выходит, ты воспитываешь сыновей – в нашей вере, в почтении к Богу. А ежели будет почтение к Богу, то будет почтение и к родителям. Без веры душа пуста.

– Они сами всё понимают...

– Как же, сами... Для них пример – отец. Я видела, как они после тебя приложились к Николе. Из твоей веры и у них возникает доверие к православной вере. Если ты не принесёшь им счастье верить, то кто может тебя заменить, кто откроет им душу для Бога? А ежели нет души, то откуда в ней и Богу появиться?

– Спасибо. Мы едем на родину моего отца, на которой ни разу не были. Отца уже нет в живых, и деревни той тоже нет – в войну её немцы сожгли. Но меня тянет туда... Вот дети и говорят: поехали, отыщем дедушкину деревню. Это Оленийский район, деревня Гавричка. Может, слышали?

– Нет, не слышала, сынок. Но там и вправду фрицы всё уничтожили. Добраго вам пути, и Бог в помощь!

От напутственных слов незнакомой бабушки мне сразу полегчало, захотелось отыскать неведомую и загадочную Гавричку.

Мы вернулись в центр города, осмотрели памятник поэтам Анне Ахматовой, Николаю Гумилёву и их сыну, историку Льву Гумилёву, а затем, наскоро пообедав в уютном ресторане, отправились по дороге в сторону Ржева. Но по пути нас ждали ещё два других привлекательных города – Вышний Волочёк и Торжок.

Воспоминания о Василиче вернулись ко мне на вынужденной остановке посреди села Лугинино. На заросшем таволгой и пижмой лугу возле пруда стояла, будто подгоревшая свеча, деревянная церквушка. Она-то и привлекала моё внимание своей миниатюрной коробкой и удлинённым шлемовидным куполом. Ранее подобной архитектуры я не встречал. Одним словом – шедевр. А Василич бы обязательно добавил: “Золотых рук мастер срубил этот храм. Он хоть и похож на игрушку, но настолько основательный, что я бы сам поучился этой старомодной основательности”.

Зайти в церквушку не удалось. Двери её были заколочены. Попасть вовнутрь можно было через выбитое просторное окно, но, заглянув в него, я понял, что делать этого не нужно, так как там царят пустота и хаос. Церковь давно разграблена. Острой болью резанула выцветшая на солнце табличка, которая от имени Министерства культуры РФ предупреждала, что часовня XIX века со шлемовидной главой охраняется государством. Осмотрев ещё раз редкую конструкцию памятника, я не обнаружил следов “охраны” государством. Зато видны были шрамы человеческих деяний – олицетворение безбожия, нечестивости, мерзости запустения и нравственного разложения.

Около нас проехала по дороге на велосипеде маленькая шустрая девочка. На обратном пути я её остановил.

– Здравствуй, девочка! – поздоровался я и спросил: – Ты здесь живёшь?

– Нет, я живу в Петербурге, а сюда меня мама привезла на лето к бабушке, – призналась она. – У нас каникулы в школе.

– Как тебя зовут?

– Люся.

– Скажи, пожалуйста, Люся, тебе нравится в деревне отдыхать?

– Не знаю. Бывает, нравится здесь, у бабушки, бывает, не нравится.

В городе веселее.

– А скажи, может, ты знаешь, как называется та церквушка? Почему она разрушена? Бабушка не говорила – будут её восстанавливать?

– Не знаю. Она давно тут никому не нужна.

– Ты посмотри, какая она красивая!

Велосипед моей собеседницы, не дослушавшей меня, быстро укатил её в конец села.

Больше всего меня царапнули по душе слова девочки “она тут никому не нужна”. Понятное дело, раз глядит на сельчан из года в год пустыми глазами окон и с проломанной крышей, значит, и впрямь никому до неё нет дела. И всё же, как можно не замечать той часовни, что красуется посреди села и в которой молились сородичи?! Она же помнит всех местных жителей – их грехи и подвиги. Неужели трудно заколотить крышу, там и нужно-то найти пяток досок, зато памятник доживёт до той поры, когда кому-то пригодится. Если бы он находился в родной деревне Василича, он бы без раздумий и команды сверху починил крышу, спас часовню от дождя и снега.

“Видимо, тебе придётся спасти часовенку!” – слышу внутренний голос, похожий на подсказку Василича.

“Почему жители не спасают, а я должен?!” – начинается ворчание.

“А чего ждатель-то, мы и сами можем!” – это уже Василич пытается устыдить меня.

Я оставляю село Лугинино, смотрю из окна машины на часовенку и соглашаюсь с Василичем, с которым только что мысленно беседовал: раз она вошла в мою душу болью, то надо её спасать. И опять после путешествия приходится стучаться в двери замшелых чиновников, направлять депутатские запросы прокурору и министру, а когда они их игнорируют, то выступать с трибуны парламента с требованием внимания и заботы к исторической памяти предков. Кажется, кое до кого доходит, заверяют меня в своих письмах, что восстановят часовенку. Вначале её признают памятником архитектуры, затем ставят на учёт и потом уж поклянутся принять участие в реставрации.

Письмо из Министерства культуры России вселяло пусть малую, но надежду:

“Уважаемый Анатолий Николаевич!

В соответствии с Вашим письмом от 18.09.2018 по вопросу о неудовлетворительном состоянии выявленного объекта культурного наследия “Часовня” (далее – Объект), расположенного по адресу: Тверская область, Удомельский район, с. Лугинино, Минкультуры сообщает.

Объект включён в список выявленных объектов культурного наследия и поставлен на охрану приказом Комитета по охране историко-культурного наследия Тверской области № 68 от 30.12.1999 г.

Согласно федерального закона “Об объектах культурного наследия народов Российской Федерации” выявленный объект культурного наследия подлежит государственной охране в соответствии с настоящим законом до принятия решения о включении его в единый государственный реестр объектов культурного наследия либо об отказе во включении его в реестр.

В соответствии со ст. 16.1 закона собственник или иной законный владелец выявленного объекта культурного наследия обязан выполнить 1–3 статьи 47.3 настоящего закона требования к содержанию и исполнению выявленного объекта культурного наследия.

В настоящее время полномочия по государственному надзору за состоянием, содержанием и сохранением Объекта осуществляет Главное управление по государственной охране объектов культурного наследия области.

В этой связи Минкультуры России обратилось в адрес Губернатора области с просьбой рассмотреть указанный вопрос и о результатах проинформировать Вас в установленном порядке.

Н. А. Малаков,
врио Министра культуры РФ”.

Результаты расследования прокуратуры, изложенные в ответе на моё письмо, вселяли гораздо больше надежд на успех. Исполняющий обязанности прокурора Тверской области Д. В. Коданев сообщал мне:

“Обращение о ненадлежащем содержании объекта культурного наследия – Часовни Иконы Божьей Матери Казанской, конец XIX в., расположенного в д. Лугинино, рассмотрено.

Установлено, что вышеуказанный объект согласно приказу Комитета по охране историко-культурного наследия Тверской области № 68 является вновь выявленным объектом культурного наследия области, включён в соответствующий перечень и находится на государственной охране.

Проверкой с выходом на место совместно с представителями Главного управления по государственной охране культурного наследия области 16.10.2018 г. выявлены нарушения требований законодательства об объектах культурного наследия в части сохранения и содержания выявленного объекта культурного наследия. Деревянное двухъярусное здание церкви находится в неудовлетворительном состоянии. Собственник и пользователь данного объекта не установлены, охранное обязательство не выдавалось, ремонтно-реставрационные работы не проводились.

В нарушение требований закона региональным органом охраны объектов культурного наследия (ГУГООКН) государственная историко-культурная экспертиза выявленного объекта в установленном порядке не проведена, мероприятий, направленных на установление собственника, пользователя, не осуществлялось. Охранное обязательство не оформлялось. Функции по осуществлению надзора за состоянием, содержанием, сохранением выявленного объекта уполномоченным органом не реализовывались.

В целях устранения нарушений закона прокуратурой области 30.10.2018 г. в Центральный районный суд г. Твери направлено административное исковое заявление о признании незаконным бездействия Главного управления по государственной охране объектов культурного наследия Тверской области в части непринятия мер по проведению государственной историко-культурной обязанности обеспечить проведение государственной историко-культурной экспертизы и принять решения о включении выявленных объектов культурного наследия в реестр объектов культурного наследия либо отказе во включении их в реестр.

Устранение нарушений поставлено прокуратурой области на контроль”.

Помощь уникальной часовне пришла не столько после этих обнадеживающих писем, сколько спустя год после повторного напоминания. И узнал я о начавшейся реставрации не из обещаний чиновников, а из репортажа по центральному телевидению, который был посвящён волонтерам, приехавшим в село Лугинино чинить худую крышу и готовить сруб к переборке. В те минуты я испытывал радость от того, что у часовни появилась вторая жизнь. И мне уже не было стыдно перед Василичем за тот ворчливый разговор в селе, который, пусть и мысленно, протекал между мной и им.

Следующую остановку мы совершили в городе Вышний Волочёк. Его старые улицы должны помнить Василича. Хотя из всех редких воспоминаний, которые доходили до меня, помнилось лишь одно – как отец с гордостью отзывался о реках и озерах Вышнего Волочка. Говорил, что их там почему-то слишком много. И вот сегодня, пройдясь по городу и поговорив с местными жителями, я понял взволнованность отца. Здесь, впервые в России, при Петре Первом вырыты были каналы, почти как в Венеции, и сооружено искусственное водохранилище.

У меня не было особого желания изучать историю здешнего и причём давнего объединения в единую водную систему, соединяющую бассейны Волги и Невы, а значит, Каспийское море с Балтийским и Северную Европу со Средней Азией. Из любви к живописи я хотел отправиться на широко известную Академическую дачу имени Ильи Репина. Там не одно поколение именитых художников писало картины. Но внутренний позыв увидеть те речные места, которые когда-то взволновали отца, отменил запланированный маршрут.

Встретившийся на реке рыбак с удочкой показал нам то место, где происходит знаменитый водораздел, рассказал, как в былые времена волокли при помощи брёвен суда от воды к воде. От названия Волока, как я понял, и пошло название города.

Больше всего по времени мы задержались в городе Торжке. Там было чем любоваться и восторгаться, что нового открывать для себя и чему учиться. Кто только не разорял его – от поляков до литовцев, от хана Батыя до Гитлера, но он возрождался, будто Феникс из пепла, удивляя гостей ухоженными улицами и набережной, разноцветными деревянными домами, классическими дворянскими особняками, величественными церквями и соборами. Древний город хранит 276 памятников истории и культуры. Красота мира вошла в город в те далёкие разрушительные годы, но сохранилась и осталась.

Насладившись архитектурой города, а ей посвятили свой талант и Карл Росси, и Николай Львов с Петром Никитиным, мы пошли знакомиться

с другими достопримечательностями. Говорил ли Василич о каких-либо памятниках? Я силился вспомнить и не смог. Пришлось подчиниться заранее составленному плану. Мы не могли обойти вниманием Борисоглебский монастырь, основанный в XI веке, большой одноэтажный дом Олениных, ставший музеем Пушкина, так как в нём поэт встречался с его жительницей Анетой Олениной и посвятил ей несколько лирических шедевров, среди которых всемирно известный “Я вас любил: любовь ещё, быть может...”. Встреча с деревянной изящной Старо-Вознесенской церковью, срубленной без единого гвоздя и возвышающийся более трёхсот лет на холме, заставила нас продолжительное время неметь от изумления.

Удивительных открытий мы ждали и от встречи с городом Ржевом, куда прибыли поздно вечером и где заночевали в отеле. Однако, кроме строгой и вдохновенной старообрядческой церкви, выложенной из красного кирпича, полной таинственного смысла и символов, мне ничто не запало в душу. Видимо, не зря Василич не любил Ржев, не в том смысле, что лишён был добрых чувств к нему, а потому, что не желал говорить о нём, так как с ним связаны были лишь горькие трагические воспоминания – тут погибла его мама.

Когда я, затаив дыхание, читал на прибитой на стене церкви мемориальной доске о том, что фашисты намерены были сжечь в ней горожан, заперев их снаружи, ко мне подошёл кражистый старик с непокрытой сидящей головой.

– Храм закрыт, – пробасил он, полагая, что я пришёл посетить его.

– Жаль, – посочувствовал я скорее не тому, что не увижу застылого, неземного спокойствия старообрядческих икон, а что не поставлю свечку на помин души погибшей бабушки. – Мы здесь проездом, ищем родину отца.

– Откуда он родом?

– Деревня Гавричка Оленинского района. Отец как оставил её в детстве после войны, так и не возвращался. Сейчас там, говорят, и деревни нет. А в соседних никто и не помнит о его семье. Вот такая у меня беда. Даже здесь, в Ржеве, не сохранилось архивов...

– Какие, мил человек, архивы. Немцы тут всё дотла спалили. Какие бумаги остались – их в Смоленск вывезли. А ты что так поздно спохватился-то?

– Отец не велел сюда приезжать.

– Что так?

– У него отец как ушёл на фронт, так и пропал без вести. Я расспрашивал его о нём, чтобы начать поиск, а он почти ничего не помнил – ему было 12 лет. Он считал, что всё бесполезно. А мне только недавно пришла мысль, что он боялся: вдруг отец попал в окружение, в плен, ведь тогда многих, кто попадал в плен, объявляли врагами народа. Это сейчас так не думают, а тогда...

– Понятное дело... На ржевской земле лежат тысячи погибших – десятки тысяч, не установленных по сию пору, лежат без имени и отчества. Так что ты поздно спохватился, столько времени прошло. Но лучше поздно, чем никогда. На Оленино – вон туда идёт дорога, туда вам ехать. Давайте, с Богом!

Старик указал сухой рукой в ту сторону города, куда и указатель направлял нас – в далёкое Оленино – и куда мы погнались машину.

Неожиданно заморосил мелкий дождь, а дорога до деревни Гавричка и так непроезжая, грунтовая, разбитая. По ней мой помощник не смог даже на своём внедорожнике проехать. Вряд ли и нам повезёт. Придётся бросать машину и идти пешком.

Свернули с дороги, встали на лугу около одинокой берёзы. Я сидел в машине, открыв стекло кабины, и молил Бога, чтобы ненастье прекратилось. Прошлый опыт езды по сельским размытым дорогам грозил неудачей. Сыновья успокаивали меня, ссылались на то, что за час никакой дождь не в состоянии размыть дорогу, и мы доберёмся до Гаврички. Вскоре среди тяжёлых туч сверкнула молния, сами тучи потихоньку начали расплываться в разные стороны. В открытое окно пахнуло хвойным лесом, сладкой травой. Дышать становилось всё легче и легче. Я закрыл глаза, помолился в последний раз и вышел из машины. На моих глазах солнце пробилось сквозь уходящие густые утренние облака и зависло над верхушкой берёзы. На лугу закружились стрекозы. А высоко в небе, из которого уже не падали капли дождя, летел, уверенно размахивая крыльями, ястреб. Теперь для меня самым большим успокоением было появление солнца, которое должно было высушить ожидающие нас опасные участки дороги и спрятаться затем в далёких просветах в лесу.

Время вынужденного привала прошло.

В селе Борки в назначенный час нас ждал Николай Гаврилов, согласившийся сопроводить нас до Гаврички. Заезд в районный посёлок Оленино не сулил нам ни прогулок, ни знакомства с достопримечательностями. Мы боялись опоздать на встречу с проводником. И лишь на обратном пути у нас была запланирована встреча с бывшими жителями деревни Гавричка, которые переехали оттуда на жительство в Оленино.

Проводника заблаговременно нашёл Евгений. Они познакомились и списались по интернету. Без Николая нам бы не удалось добраться до деревни. Препятствием служила не размытая и непроезжая дорога, а шлагбаум с колючей проволокой, за которым раскинулось частное охотничье хозяйство. Та прежняя деревня, в которой рос Василич, давным-давно дважды подверглась уничтожению. Первый раз во время Великой Отечественной была сожжена дотла. После войны отстроилась заново. Жила и развивалась до той поры, пока её не объявили неперспективной. Крестьяне выехали из неё, оставив плохонькие дома, а добротные вывезли в соседние сёла. Пустующее место шустрый олигарх превратил в пастбище для диких животных, распахав его трактором и засеяв клевером. В зону охотничьего вольерного бизнеса попала не одна вымершая деревня, не одно заросшее поле. Оформив их в частную собственность, олигарх все свои владения обнёс колючей проволокой. Мы могли попасть туда только с помощью Николая, который работал там и, спросив у хозяина разрешения, взялся сопроводить нас на своей машине до деревни, от которой осталось одно название – Гавричка.

Он ждал нас у своего дома. Молодой худощавый парень с короткой стрижкой и весёлыми глазами. На нём ладно сидели джинсовая безрукавка и спортивные штаны. С первых слов знакомства я отметил, что у Николая добрый, покладистый характер и бескорыстное желание помочь другим людям – это у него в крови.

Мой рассказ о причине появления нашей семьи в здешних краях он выслушал со вниманием. Меня это вновь удивило, так как Евгений раньше рассекретил ему цель нашего визита.

Осмотрев мою машину, он сказал, что она вполне проходима и не должна застрять.

Первый километр мы ехали молча. На обочинах дорог трава стояла степной, невпрокос, а в заброшенных деревьях пугал великанский бурьян. Долгое время я отводил взгляд и от этих обезлюдивших деревень, и от зарастающих кустарником полей. Уловив мой вздох сожаления, Николай промолвил:

– Во времена вашего отца тут жизнь кипела – в деревнях гармошки играли, в лугах табуны коней паслись. У меня соседка-бабушка по сей день вспоминает, как они ходили на свидания из одной деревни в другую.

– У вас бабушка жива? – спросил я, оторвавшись от грустных мыслей.

– Нет, то не моя бабушка. Я ей помогаю дрова заготавливать, продукты привожу. Живу я один, из Москвы сюда переехал.

– Вы Москву оставили ради деревни? Нынче такое редко встретишь. Не жалеете?

– А о чём жалеть? В городе жизнь впустую пролетает, нечем себя занять. В деревне я себя человеком ощущаю, хожу на рыбалку, собираю грибы, читаю книги. Недавно начал снимать фильмы о местных старушках.

– Фильмы? – удивился я.

– Да, их воспоминания о жизни, о деревнях, о политике, – улыбнулся Николай. – Если захотите, то на обратном пути могу показать последний фильм.

– С удовольствием посмотрим.

– А ваш отец после войны, получается, ни разу сюда не приезжал?!

– Ни разу. Его сюда и не тянуло – слишком горькие были воспоминания. Ему было 11 лет, когда фашисты осенью в деревню ворвались. Он жил с матерью, братом и двумя сёстрами. Отца в первые же дни войны забрали на фронт. Там он и погиб, пропал без вести... Конечно, всех мужчин из Гаврички забрали на фронт. Единственный оставшийся мужик в деревне был – это его родной дядя. Так его немцы вывели во двор и расстреляли на глазах детей.

– Страшная история, – печально произнёс Николай.

– Ещё какая страшная! – согласно кивнул я головой. – Их дом стоял на краю деревни, как рассказывал отец, и он был первым, куда немцы зашли.

Они выбили окно, установили на него пулемёт и стали обстреливать соседнюю деревню. Дети в это время сидели тихонько в сторонке. Закончив стрельбу, затопили печь, начали жрать, в общем, вели себя, как хозяева. А ближе к вечеру они мать и детей выгнали из дома.

— И куда же они пошли?

— Отец сказал, что ушли к соседям. Он ещё запомнил, что буханку хлеба с собой прихватил. Но они недолго у соседей гостевали. Этим же вечером фашисты сожгли не только их дом — они всю деревню спалили. Слава Богу, что не расстреляли детей и женщин, убит был лишь дядя, старый уже человек. Когда деревня загорелась, народ весь ушёл в лес — к партизанам. Они знали, где их искать, так как те приходили к ним за продуктами в деревню, и жители держали с ними связь. Потом партизаны отправили жителей Гаврички на лошадях в тыл, в деревню, где не было немцев. Но где-то полгода спустя они и туда добрались. Отец опять оказался в плену. Из захваченной деревни фашисты отправили его, сестёр и брата в город Борисов, в Белоруссию. Там они в тяжелейших условиях работали на стройке. Строили захватчикам казармы, ведь те думали, что будут жить там вечно. Детей, правда, особо не обижали, однажды даже шоколадом угостили. Во время бомбёжки у отца погиб брат. Сам отец тоже попал под бомбёжку и был ранен в ногу. Больше года в немецком госпитале пролежал. Думал, не выживет. Хорошо, наши войска пришли. Правда, во время освобождения отец вновь попал под бомбёжку и чуть-чуть не погиб. Три часа город бомбили наши войска. Отец говорил — ночью было так светло, что даже можно было нитку в иголку вдеть. Досталось, конечно, и госпиталю. Кто не мог ходить, сгорел заживо. Отец сумел выползти. После освобождения Борисова отца отправили в военный госпиталь лечиться. И лишь потом он на родину перебрался.

Длинный мой рассказ о судьбе отца мог продолжаться и продолжаться — позволяли и время, и не совсем убитая машинами дорога. Конечно, я не всю правду рассказал Николаю, многие детали военного лихолетья Василича, особенно нахождения в плену, попросту опустил — слишком они были неправдоподобными. Можно было вспомнить, как погибла мать в Ржеве: поехала в город на железнодорожную станцию раздобыть для детей пропитание и с узелком картошки попала под поезд. Маленький Василич в то голодное военное время остался сиротой. Можно погоревать по поводу отправки немцами старшей сестры в Германию на работу. Их расставание было настолько трагичным, что он забыл её имя. Другая сестрёнка, Тоня, став взрослой, уже после войны сказала ему, что сестра была отправлена в город Кёнигсберг и какие-то люди видели её якобы работающей там бухгалтером... Хотя подобные трагические эпизоды вряд ли напугали бы Николая. Наверняка он знаком из книг и кинофильмов с ужасами войны. Я их не рассказал по иной причине — просто за страшными фактами следовали те, которые отец говорил мне по секрету, не предавая их широкой огласке. Прибыв на островки родной отцовской земли, я хотел пересказать их только своим взрослым сыновьям. Только там у меня хватит слов, чтобы выразить горе отца и его неумирающие чувства.

У сторожевого домика нас встретили два парня, одетые в куртки цвета хаки. Они извещены были о нашем приезде, потому, подняв железный шлагбаум, пропустили на закрытую территорию охотхозяйства без лишних расспросов и тем более проверки документов. Лишь ненавязчиво посоветовали не фотографировать по пути следования лосей, кабанов, оленей, гуляющих в вольерах.

Через пять минут небо затянуло небольшой тучей, солнце скрылось, начал накрапывать мелкий дождь. И чем дальше вглубь мы ехали по разъезженной, с глубокими колеями и лужами дороге, тем чаще колеса буксовали. На одном из участков с пугающе широкой лужей наша машина чуть-чуть не застряла.

Пролейся дождь ещё полчаса, и на обратном пути нашей машине уже невозможно было бы отсюда выбраться. Ночевать пришлось бы в лесу.

И тут ветер разорвал тучу на части, распылил по тёмно-синему небу. Дождь быстро прекратился.

И надо было свершиться чуду в то самое время, когда впереди нас на взгорке открылась деревня, не похожая на обычные деревни, так как в ней стояли не дома, а коттеджи, крытые малиновой черепицей, с узорчатыми верандами, с колоннами у крыльца. Вокруг ухоженные луга с аккуратно подстриженной травой. А перед окнами коттеджей раскинулось роскошное чистое

озеро. Именно такими классическими и богатыми коттеджами я любовался в Швейцарии и Германии.

Николай увидел мою восторженную реакцию и пояснил:

— Тут живут сотрудники охотхозяйства, кто ухаживает за животными. В озере разводят рыбу. Конечно, и начальство со свитой любит приезжать сюда отдохнуть.

— А вы почему здесь не живёте? — поинтересовался я.

— Мне и в деревне хорошо. Сюда я приезжаю решать проблемы с электричеством.

После таких слов я задался вопросом: хорошо или плохо, что на этой плодородной земле перестали выращивать рожь с пшеницей, а купил её олигарх для своих развлечений и отдыха? С одной стороны, земля должна работать по прямому назначению и хозяином её должен быть крестьянин, обеспечивающий продовольственную безопасность. С другой стороны, и государство, и крестьяне давно оставили её, и она заросла бы лесом, если бы олигарх не прибрал её к рукам. Выходит, горечь утраты крестьянского присутствия здесь только у меня одного. Что делать? Как вернуть человеку чувство хозяина земли? Однозначного ответа на эти вопросы я не нашёл. Потому и не стал выносить их на обсуждение моих попутчиков. Вспомнил лишь Василича: он, скорее всего, осудил бы и меня за сомнения, и олигарха за глумление над пахотной землёй. Для него земля являлась кормилицей, значит, должна давать урожаи зерновых, овощей и фруктов.

Вернулись ко мне мысли о Василиче, когда мы доехали до другого лесного озера, окружённого белоствольными берёзами, на берегу которого возвышался памятник погибшему в годы Великой Отечественной войны офицеру. Сам памятник был обнесён небольшой железной оградкой, которая, хоть и заросла густой травой, но хорошо просматривалась издали. Фамилия героя на обелиске с пятиконечной звездой выцвела и не прочитывалась, но, судя по выкрашенной ограде, за могилой кто-то ухаживает.

Стоя у одинокого памятника, я думал о том, что где-то вот так лежит мой дед — Василий Грешневилов, без вести пропавший на войне, неизвестно, где и как похороненный. Отец даже не помнил его отчества. Не знал, на каком фронте он воевал, в каких частях и в каком звании... С возрастом меня это стало пугать. Обидно было и за Василича, не предпринявшего никаких попыток узнать что-либо о пропавшем без вести отце. Кажется, пришло время, когда всё можно узнать, — архивы рассекречены, поисковики работают, а он бездействовал, считал поиск бесполезным. А мне такой пессимизм претит. Надо искать, надо знать... В каком бою был сражён пулей мой дед? Поднялся ли он в атаку? Погиб ли в разведке? Может, попал в плен и был сожжён в топках фашистских концлагерей? Или он штурмовал-освобождал какой-то город и захоронен под его обломками? Я всей душой верил и верю, что мой дед был отважным, честным, как сам Василич, и погибнуть мог только героически. Но почему о нём ничего не известно?! Кроме одного — ушёл на войну и пропал без вести.

Сегодня я искуплю один из своих грехов — отыщу родную деревню отца, поклонюсь ей и пообещаю отцу искать могилу деда.

Встреча с долгожданной Гавричкой произошла неожиданно и молниеносно, сразу, как только по глинистой сырой дороге мы выскочили из леса на широкое поле. Это раскинувшееся вширь зелёное пространство и было когда-то деревней Гавричкой, а теперь стало клеверным полем.

— Приехали, — скомандовал Николай. — Вот здесь была деревня Гавричка.

Я не спеша обогнул одну лужу, другую, забрёл на край поля, упал на колени.

Над мной раскинулось бездонное синее небо. Редкие шары облаков разлетелись по краям леса, окружившего зелёное величественное поле, и зависли на вершинах деревьев. Кругом царил тихая, спокойная жизнь. А несколько лет назад здесь возвышались бревенчатые дома, из их дворов выгоняли скот. Женщины, поёживаясь от прохладного утреннего ветерка, разматывали хворостинами, выгоняя на пастбу мычащих коров... Ещё раньше тут громы хала война. Сегодня же деревня встретила меня молчанием, потому что её нет, — вместо домов и огородов тут на десятки метров раскинулось огромное

поле. Недавно его отутюжил и распахал трактор. Под безжалостным плугом навсегда скрылись следы прежней трудовой жизни местных крестьян. Осматривая травяной остров бывшей деревни, я заметил на его окраинах два высоких уцелевших дерева: на ближнем краю — величественный дуб, на дальнем — раскидистую кудрявую берёзу. Приглядевшись более внимательно, увидел чуть ли не по центру поля три старые яблони, прижатые друг к другу. Кажется, и всё, что осталось живого от некогда большой и весёлой деревни. Охотничья вышка, возвышающаяся над землёй на железных столбиках, была не в счёт. Её соорудил олигарх для расстрела прикормленных кабанов и оленей.

Придя в себя от волнения, я побрёл по полю с желанием определить то место, где мог стоять дом отца. Жена и сыновья молча следовали за мной. Никто не пожелал начать знакомство с Гавричкой с охотничьей вышки.

На поле было безветренно. Плотно растущий клевер, успевший за пару часов просохнуть, цепляясь за сапоги. Я дошёл до берёзы, присел на минутку около неё в раздумье... Сердце почуяло, что здесь либо начиналась, либо заканчивалась деревня. Вот если бы услышать, о чём шепчут листья белоствольной, то можно было бы точно установить местонахождение отцовского дома... Но берёза молчала, радуясь лишь пружей из земли зелени.

— В каком же месте мог стоять дом Василича? — спросил меня Евгений.

— Трудно сказать, — ответил я, обойдя вокруг берёзы. — Василич говорил, что деревня здесь была многолюдной, стояло 50 домов. А их дом стоял на краю... Если предположить, что с берёзы начинается край деревни, то дом наш должен в этом радиусе размещаться. Если деревня начало своё берёт от дуба, то дом находился в той стороне.

— Откуда в деревню входит дорога — там и её начало, — утвердительно заявил Евгений

— Так вот она, дорога! — всплеснул руками Дмитрий и указал на две наезженные полосы, идущие вдоль кромки поля. — Она наверняка идёт в соседнюю деревню.

— По другой дороге въезжали мы, — вздохнул и продолжил я: — Выходит, здесь две дороги, и обе на окраине деревни были. Другое дело — здесь местность похожа немного на низину, а там, у дуба, она повыше. Уж если Василич выбирал место для стройки, то оно обязано быть живописным.

Галина, прохаживаясь метрах в десяти-пятнадцати от берёзы, вдруг вытащила из земли какую-то крестьянскую утварь. Её добродушный и невозмутимый голос тотчас известил о находке:

— Кажется, я ковш нашла!

Мы кинулись разглядывать и изучать проржавевшую посудину. Кто знает, может, Василич из неё воду пил? Вдруг мой дед с бабушкой уходили косить сено корове и брали этот ковш с собой или подбрасывали из него хвойный раствор на раскалённые угли в бане?! Ушёл дед на фронт, и потерялся ковш.

— Тут ещё что-то торчит в земле! — удивлённо воскликнула Галина. — Это же изразец от лежанки. Жаль, разбитый.

— Загляните на опушку леса, там этого добра много, целая куча, — посоветовал наблюдающий за нами Николай. — Когда трактор сравнивал остатки деревни, то весь хлам спихнул ковшом в лес.

— Варварство какое-то! — возмутился я. — Какую же пустую, выстуженную душу надо иметь, чтобы пойти на такое?!

— Один тракторист в тот день пострадал, — заключил Николай, поняв моё негодование. — Провалился в пруд. Его потом еле вытащили. В деревне, оказывается, семь прудов было.

Перед тем как заглянуть в лес и порыться в куче деревенского мусора, мы разбросали часть земли, взятой с борисоглебской могилы Василича, рядом с одинокой берёзой. “Прими, Гавричка, эту горсть земли как память об отце, о том человеке, который родился и вырос здесь!” — промолвил я. Другую половинку привезённой земли, завёрнутую в полотенце, мы решили положить рядом с дубом — вдруг там стоял дом отца.

Галина почистила травой ковш, завернула его в газету и положила в рюкзак. Разбитый изразец мы не стали брать в качестве сувенира, полагая, что найдём целый. На душе стало легче, и ноги проворнее зашагали неторной дорогой в лес.

В той куче деревенского хлама, что притащил сюда трактор, мы отрыли много любопытных вещей. Они ничего не стоили в материальном плане,

но являлись дорогой памятью о Гавричке и её жителях, свидетельствовали об их зажиточности и трудолюбии. Брать с собой, как ковш, для домашнего музея открытые замки, глиняные горшки, утюги, санки, цепи мы не стали. Но не удержались и засунули в рюкзак кованую замочную накладку на дверь. Уж слишком необычный узор подарил ей здешний мастер. И опять же – какой мастер? Кому принадлежала эта железная накладка? Чью дверь она украшала – нашего отца или его соседа, или соседа соседа?!

В лесу было прохладно. Над берёзами и осинами кружился ястреб. Он сердито и длинно пожалобился нам и соскользнул с неба в кустарник. Я проводил его печальным взглядом и мысленно поприветствовал от имени Василича. Хотя ясно было, что птицы столько не живут и не они летали здесь в юные годы отца. Но мне так казалось: всё, что растёт, живёт и шевелится в этом родном месте, всё должно помнить Василича.

Затравенная плотно дорожка скатывалась через кусты черёмухи и ольхи к небольшой речке. Я резво направился к ней. Уж кто-кто, а она должна помнить Василича.

Большого труда стоило нам достичь крутого и заросшего берега лесной речки. Зачерпнув в ладони холодной воды, я ополоснул лицо, протёр запотевшую грудь, а потом сделал глоток-другой... От воды пахло настоем дикой смородины, растущей по берегам. Вместе с чистой влагой внутрь проникла радость встречи с рекой. Так мало здесь, на отужоженной трактором территории, осталось мест, способных всколыхнуть душу человека! Я ликовав, будто ребёнок.

И когда мы вернулись к берёзе, с которой только что познакомились, и сыновья предложили под её кроной сделать привал, передохнуть, я решительно сказал: “Никогда мои ноги не устанут шагать по отцовской земле!”.

Впереди нас ждал могучий великовозрастный дуб. На безмятежно-ясном небе появилось маленькое белое облако. Возникший ветерок гнал его впереди нас. Дуб точно должен был помнить Василича, в отличие от берёзы неопределённого возраста. Вряд ли сохранились с его времён и три яблони, с которых мы попробовали мелкие дикие плоды. От их горечи сузились глаза, перехватило дыхание. Набрав в лёгкие чистого, свежего воздуха, я побранил про себя того тракториста, который не выкопал их. Яблони без заботливого человеческого ухода безнадежно дичают. Но, увидев рядом с ними небольшой пруд с вязкими болотистыми берегами, я догадался, что это он помешал трактористу.

По водной глади пруда заметно скользили водомерки. Над редким и тонким камышом летала бесшумная стрекоза. Зато не было проклятого комарья, которое всегда донимает человека. Пруд здесь когда-то, может, и был глубоким, и в нём водились караси, и цвели бесчисленные белоснежные лилии, но сегодня он представлял собой умирающий, высыхающий водоём.

Подойдя к дубу, мы сразу поняли, что рос он рядом с каким-то домом, так как повсюду сохранились островки садовых цветов. Неведомым чудом они выжили без полива и ухода. Я узнал и синие колокольчики, склонившие головки к земле, и “золотые шары” с пышными жёлтыми шапками.

Галине опять повезло: прогуливаясь между дубом и засохшей яблоней, она вытащила из земли сломанные вилы. На этом месте, действительно, стоял дом. И он мог принадлежать отцу, так как здесь была окраина деревни. Значит, и вилами этими мог он работать. Галина и их убрала в рюкзак.

Побродив в окрестностях дуба в поисках другой крестьянской утвари, прикинув, в какую сторону смотрели окна дома, где выгуливали телят и гусей, где размещалась баня, мы успокоились и решили разбросать здесь остаток земли, привезённой с борисоглебской могилы отца. Я рассыпал её и у дуба, и у цветов. Не смог промолчать и сказал, что вижу в этом святом поминальном акте возможность соединения земли, на которой рос Василич, с той, на которой он похоронен. Дорожной лопаткой я накопал земли с одной и с другой окраины деревни, смешал её, положил в полотенце, добавил ветку берёзы и ветку дуба, чтобы по приезде в Борисоглеб высыпать эти частички Гаврички на могилу отца.

Время пришло отдохнуть, помянуть отца и его родителей, сестёр, брата. Но прежде чем расположиться на привал, раскинуть газету и разложить домашние заготовки, я поднялся на охотничью будку и оттуда оглядел родную землю. Вдали увидел ещё две речки с изгибистыми обрывами, завидными

омутами, петляющие по перелескам и полям. Николай подтвердил, что Гавричка со всех сторон окружена тремя реками. Порадовали глаз и обширные поля, засеянные кормовыми культурами, скрывающие некогда пустующую землю.

— Ничего себе, какое тут раздолье и роскошество природы! — вырвалось у меня. — Да это не деревня, а Венеция! Живи — не хочуй!

Галина по-хозяйски сноровисто собрала на лужайке незамысловатый “стол”, нарезала колбасу и хлеб, открыла банки с солёными огурчиками и помидорами. Николая мы уговорили присоединиться, разделить с нами горечь и радость встречи с родиной отца.

Первую рюмку водки я предложил поднять за деревню Гавричку, за то, что мы добрались до неё и выполнили долг перед Василичем. Затем помянули всю его семью — и пропавшего без вести на войне деда, и бабушку, угловидную под поезд во Ржеве, и расстрелянного немцами дядю, и угнанную в Германию сестру, и убитого бомбёжкой брата. Одним глотком помянули всех.

По старому русскому обычаю я налил полстакана водки и поставил его на землю у крепкого ствола дуба. Накрыв стакан ломтем ржаного хлеба. Так принято поминать усопших. Пусть стоит он здесь долго и зарастёт травой, и покроется листьями, и унесёт с собой память о нашей поездке.

Перед тем как расстаться с Гавричкой, я отошёл в сторону, упал, как подкошенный, на землю, и слёзы полились из глаз. Хотелось побыть одному, помолиться, ещё раз попросить прощения у отца, но слёзы не давали. Минут пять я был наедине с собой. Теснились мысли, образы, воспоминания. Горькая, не иссякающая внутренняя наполненность души не позволяла встать. Но я нашёл в себе силы, встал на колени, затем поднялся, перекрестился, произнёс короткую молитву и поклонился земле, с которой расставался навсегда. Хорошо, что сыновья не видели моих переживаний и мучений, а укладывали вещи в машину.

Ещё минута — и я уже не видел ни одинокой берёзы, ни раскидистого дуба, ни просторно-пустого синего неба над Гавричкой.

В деревне Борки мы тяжело прощались с проводником Николаем. Весь наш поход он находился рядом с нами, и мы чувствовали его искреннюю расположенность, доброе участие, вежливую настойчивость.

На прощание я подарил ему свои книги, а заодно коньяк с конфетами. Он не хотел их брать, говорил, что ему приятно было с нами познакомиться, пережить историю отцовской семьи, и помогал нам не за вознаграждение, а от чистого сердца... Мы в этом и не сомневались. Но подарки всё же уговорили взять. Как повторял Василич, хуже неблагодарного человека бывает только предательство.

Николай показал нам свой короткий фильм о старушке, оставшейся последним жителем умирающей деревни. У неё нет ни света, ни воды, ни телевизора. Крыша в родовом ветхом доме протекает, из покосившихся оконных рам дует холодный ветер. Письма чиновникам о помощи она писать перестала, поняв, что её давно забыли, вычеркнули из жизни. Хотя как забыли, если на каждый важный праздник открытку присылает то Президент, то губернатор... А когда наступает выборная компания, то кандидаты от партии власти по три-четыре раза присылают напоминания придти и проголосовать за них. Таковы парадоксы и гримасы современной жизни.

Дорога домой вела нас через районный центр Оленино. Там жила семья Яковлевых, переехавшая когда-то сюда из деревни Гавричка. Мы заранее списались с ними, написали в гости, чтобы порасспрашивать, вывести крупицы каких-нибудь сведений о наших родственниках.

Хозяйка дома Татьяна и её муж Юрий встретили нас, как и заведено среди людей с деревенским характером, дружелюбно, радушно, гостеприимно.

За чашкой бодрящего горячего чая я поведал бывшим жителям Гаврички всю житейскую и трагическую эпопею Василича. Они, увы, ничего не знали ни о моём отце, ни о его родственниках и вообще впервые слышали нашу фамилию. Складывалось впечатление, что деревня Гавричка существовала, но в ней жили посторонние люди. И хоть семья Яковлевых поселилась в ней после войны, но память о тех, кто жил до прихода туда немцев, должна же у кого-нибудь из старожилов сохраниться, передаться от одних другим...

— Так не бывает, чтобы никто не знал и не слышал о семье моего отца! — недоумевал и ворчал я. — Один человек, но должен помнить, кто и как жил в Гавричке.

— Может, кто и помнит, — сказала Татьяна и сочувственно посмотрела на меня. — Вам надо спрашивать других, тех, кто жил в Гавричке. Мы там жили до 1987 года, до той поры, когда нас вынудили уехать. Жизнь на селе объявили неперспективной. Бабушка у нас не хотела переезжать, говорила: я буду здесь умирать. Наша деревня одна из первых распалась. Дома из Гаврички перевезли в деревню Гусево.

— Мы туда, к сожалению, не заехали.

— А там наших никого и не осталось. Мужики из Гаврички увезли свои семьи в Московскую область в Нахабино, там нужны были трактористы. Многие туда уехали — Бегуновы, Рыбкины, Морозовы. Я вот обосновалась в Оленино, работаю в райпо.

— Наверняка вы с кем-то дружили и до сих пор связь поддерживаете? Может, они могут что-нибудь вспомнить, рассказать?!

— В деревне я дружила с Качкарёвой Галиной. Она живёт сейчас в Ленинградской области. Тесно общалась с Жидёнковой Татьяной Гавриловной, которая переехала в Тверь. У неё многодетная семья. Она старше моих родителей. Если надо, я могу дать её телефон. Мы иногда созваниваемся.

— Давайте, я с удовольствием с ней переговорю. А чем занимались жители Гаврички? Какие предприятия работали?

— Совхоз крепкий был, и деревня — на хорошем счету... У нас работали и ферма, и конюшня. Жили дружно. Ходили оравой и лён сушить, и сено заготавливать. До сих пор помню сенокосы, длинные светлые ночи, спелый запах сена. Я любила косить траву. Бывало, возьмусь за косу, а бабушка моя Нина Ивановна Смирнова уже ворчит: “Детка, как можно так косить?!”. За ней в округе на лугу никто не мог угнаться — лучше всех косила. В деревню у нас и кино привозили, и газеты мы выписывали. Кстати, муж у меня жил в соседней деревне, работал киномехаником, и когда ухаживал за мной, то местные парни дрались с ним из-за меня. Правда, во всей деревне тогда и было-то два парня. Вообще-то ходить деревней на деревню было делом обычным, особенно на праздник — в Тихвинскую.

— А вы помните, кто жил у вас на краю деревни?

— Васильевы там жили.

— Мой отец тоже жил на краю деревни. Дом их спалили немцы.

— В деревню с войны вернулся Андрей Константинович Бегунов. Мы его почему-то звали дядя Петя. Других фронтовиков, кажется, не было. На праздник Победы 9 Мая мы, школьники, ходили в деревню Гусево к обелиску. Рядом в деревне Хорики тоже был обелиск.

Расставаясь, хозяйка нагрузила нас в дорогу своими домашними заготовками — банками с вареньем и соленьями. В который раз мы убедились, что деревенские жители — народ хлебосольный, радушный, готовый отдать гостям последнюю рубашку, а среди них особым гостеприимством отличаются выходцы из деревни Гавричка.

Посёлок Оленино ничем привлекательным не был отмечен. Мы возложили цветы к скромному памятнику погибшим в годы Великой Отечественной войны. Из-за выходного дня не смогли попасть в местную библиотеку, краеведческий музей, редакцию районной газеты. Мне хотелось подарить им свои книги и подключить к поиску родословной отца. Открытым для нас оказался лишь Дом культуры, в котором на первом этаже шла бойкая торговля одеждой. Но сотрудники учреждения оказались на месте, выслушали меня, посожалели, что ничем не могут мне помочь собрать сведения об отце и его родственниках. Я попросил их передать мои книги и аналогичную просьбу сотрудникам библиотеки, музея и редакции газеты. Но прошли месяцы после поездки, а никто из них так и не откликнулся на моё предложение.

Возвращаясь домой, мы вновь проехали как по городу Ржеву, так и по его району. Большое количество памятников, обелисков, братских могил, свидетельствующих о кровопролитных боях, наполнили мою душу глубокой скорбью. Я стоял у пушек, водружённых на постаменты, у скульптур солдат и офицеров, молча читал надписи у подножий, сдерживал слёзы, молился,

и тяжёлые мысли вновь возвращали меня к истории деда, пропавшего на войне без вести. Сколько их, безвестных, лежит в братских могилах, и один из них, может быть, Василий Грешневиков!

Защемило сердце, побледнели лица и у моих сыновей от обилия братских могил на ржевской земле. Стояли они с непокрытыми головами, угрюмые, постигающие кроваво-испепеляющую правду о войне возле стелы с указателем “Сельское поселение Чертолино” и громко, в два голоса, читали текст, что был жирно начертан на рядом стоящем широком стенде:

— “Здесь подо Ржевом погибла 29-я армия. 14 000 бойцов стояли до конца. Зима 1942 г.”.

Около часа не могли ни о чём говорить, молчали, каждый думал о своём.

Даже на редкость элегантный, прибранный город Старица с его привлекательными монастырями не мог успокоить меня. Перед глазами стояли вымирающие деревни и обелиски, обелиски, обелиски... И как бы я ни старался скрыть душевные переживания и усталость от суматошного дня, поход по городу не позволил этого сделать. На одной площади меня остановил памятник адмиралу Владимиру Корнилову, герою Крымской войны, организатору обороны Севастополя. Оказывается, он родом отсюда. Год назад я был в Севастополе с сыновьями и вот так же стоял перед памятником Корнилову, а потом другому легендарному адмиралу и защитнику Севастополя — Нахимову. Помнится, думал тогда, что вся наша воспитательная работа с детьми зачастую проходит, как стрела мимо цели. А сейчас вижу: зря сомневался. Стою я вот с сыновьями через год у памятника Корнилову и вижу: они понимают, какая великая история у России, и сотворили её наши мужественные и трудолюбивые предки. Подходим мы к другим памятникам-стелам, расположенным по всему парку, и они читают мне вслух по очереди.

— Герой Советского Союза адмирал Октябрьский Филипп Сергеевич. 23.10.1899—8.07.1969, д. Лукшино.

— Герой Советского Союза подполковник Дмитрий Васильевич. 26.10.1908—7.03.1964, д. Климово...

Из сотни надписей на гранитных стелах сыновья прочли с десятком. Спрашиваю у них:

— Что особенного в характеристиках героев вы заметили?

— Герои Советского Союза живыми вернулись с войны, и все они родом из деревни!

— Здорово! — воскликнул я. — Всех героев войны родила деревня. И были они и адмиралами, и подполковниками, и сержантами, но всем помогла деревня. Без потомственных крестьянских навыков ни урожай убрать, ни врага победить!

Загустели сумерки, когда в далёком монастыре прозвенели колокола, созывая на вечернюю молитву.

На следующий день поутру мы съездили на родное борисоглебское кладбище и доложили Василичу о посещении Гаврички. Положили ему на могилу ветку дуба и ветку берёзы — пусть сам определяет, на какой окраине деревни стоял его дом, — рассыпали из полотенца землю. А вечером я стал звонить в Тверь бывшей жительнице Гаврички Татьяне Гавриловне Жидёнковой.

Она сразу взяла трубку. Её рассказ о жизни в деревне тоже был коротким, мало запоминающимся и, главное, не пролил свет на судьбу рода Василича.

— Не помню я Грешневиковых, — простодушно призналась она. — Мне было 15 лет, когда наша семья из Гаврички переехала в деревню Кострицы. Брат тогда в армию ушёл. Мама у нас работала дояркой. Тяжелейший труд. Я ей помогала, как могла, и теперь могу любую доярку узнать по рукам — тяжёлым, узловатым, большим. Ой, а сколько она знала сказок, песен, былин! Не пересчитать.

— Как звали маму?

— Мария Сергеевна. Вечер, бывало, настает, а мы спать не ложимся, просим её: “Мам, ну, расскажи что-нибудь, сказку или былиночку?”. Ещё у нас гармонистка жила в деревне талантливая — Лилия Разумовская. Она даже хор деревенский создала. Мама в нём пела. У неё хороший голос был. А к Разумовской из Оленина деятели культуры перенимать опыт приезжали.

— Скажите, пожалуйста, а кто мог помнить в деревне Грешневиковых?

– Наверное, тётя Зоя Хохлова, она продавцом работала. Помню, мы ходили к ней в Костицы, а она рассказывала нам всякие истории о помещиках и барынях. Но её уже нет в живых. А лучше всех жителей знал кулак Андрей Гурьянович. Вот был трудяга, так трудяга. Частник. Не помню его фамилию. Кличка у него была – Горбатенький. Вот он точно всё бы вам рассказал о вашем деду и отце. Только ведь и его нет в живых. Так что вряд ли кто вам может помочь.

Кажется, можно было давно согласиться с Василичем, что бесполезно искать без вести пропавшего деда, и, выходит, зря я начал этот поиск, если живых свидетелей уже нет. Но что-то в беспокойной душе свербило, подсказывало, что сдаваться не следует, нужно упорствовать и продолжать искать.

Через полгода я переговорил по телефону с главой Оленинского района Олегом Дубовым и попросил его помочь разыскать сведения о моих родственниках. Но он, как и его журналисты и сотрудники музея, ничего не нашёл.

Оставалась единственная надежда на сотрудников архива Министерства обороны России. Недавно по телевидению они как раз заявили о рассекречивании всех документов, связанных с Великой Отечественной войной, и обнародовании фамилий фронтовиков, числящихся без вести пропавшими, а также погибших в плену. Впервые в жизни я направил депутатский запрос в то государственное учреждение, в которое отец почему-то просил меня не писать по причине бесполезности.

Откуда отец мог знать или предполагать, что военный архив ничем мне не поможет? Даже если он переживал, что в ответе будет сказано о плене, то всё равно его нельзя назвать бесполезным.

Ответ не заставил себя долго ждать. Правота отца в нём прочитывалась в каждой строке. Начальник Центрального архива Министерства обороны России Олег Панков сообщал:

“Уважаемый Анатолий Николаевич!

Ваше обращение по вопросу определения судьбы участника Великой Отечественной войны 1841–1945 гг. Грешневинова Василия в Центральном архиве Министерства обороны РФ (далее – ЦА МО) рассмотрено.

По существу обращения сообщаем следующее.

На хранении в ЦА МО имеются донесения о безвозвратных потерях личного состава Красной Армии за период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Данные донесения поступали в Управление по персональному учёту потерь личного состава действующей армии от воинских частей в годы войны, а в послевоенное время – из военкоматов областей и районов.

Были проверены: картотека учёта безвозвратных потерь офицерского состава и картотека учёта безвозвратных потерь рядового и сержантского состава, в которых Грешневинов В. не значится.

В имеющихся на хранении в ЦА МО картотеке учёта офицерского состава; в неполной трофейной немецкой картотеке учёта военнослужащих, находившихся в плену и освобождённых из плена Советскими войсками; картотеке учёта награждённых за период Великой Отечественной войны 1941–1945 г. г.; в картотеке учёта политических работников Советской Армии; картотеке общего неполного учёта раненых и больных, лечившихся в лечебных учреждениях Советской Армии в период Великой Отечественной войны 1941–1945 г. г., сведений о Грешневинове В. не имеется.

Данная работа проводилась с целью установления номера воинской части, в которой мог проходить службу Грешневинов В.

Без указания номера воинской части, в которой проходил службу Грешневинов В., а также соцдемографических данных запрашиваемого навести дальнейшую справку о его судьбе не представляется возможным”.

В те же дни я написал письмо и в архив Смоленской области, где после войны хранились разные документы из тверских городов и сёл, в том числе и дореволюционные. Мне пришёл ответ, который также ничего определённого не прояснял, но всё-таки давал маленькую надежду.

Директор государственного архива Смоленской области А. В. Баркова сообщила:

“Уважаемый Анатолий Николаевич!

Направляем копию списка домохозяев селения Гаврички Глуховской волости Бельского уезда из материалов Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 года на 1 листе.

Одновременно сообщаем, что без указания даты рождения (в пределах 1–3 лет) и отчества Грешневикова Василия провести поиск по церковным метрическим книгам не представляется возможным. Эти данные необходимы для идентификации семьи, так как в дореволюционных метрических книгах фамилии у крестьян, как правило, не указывались.

Уведомляем о том, что метрические книги церкви села Глухово (приход деревни Гавричка) Бельского уезда за 1865–1916 годы на хранение в ОГКУ “Государственный архив Смоленской области” не поступали. Рекомендуем обратиться в Государственный архив Тверской области.

Информируем также, что на хранении в ОГКУ “Государственный архив Смоленской области” находятся метрические книги записи родившихся, бракосочетавшихся и умерших по 1916 год. За сведениями более позднего периода рекомендуем обратиться в Главное управление ЗАГС Смоленской области”.

К письму прилагалась копия списка домохозяев селения Гаврички. Среди семи указанных крестьян значился Василий Мартынович. Так как фамилии крестьян, как сказано было в письме архивистов, в дореволюционных метрических книгах не указывались, то можно предположить, что единственным Грешневиком в Гавричке был Василий Мартынович. Осталось только установить, соответствуют ли эти предположения действительности.

Письмо архивистов подсказывало мне, что поиск сведений о судьбе моего деда, без вести пропавшего на войне, следует начать с установления фактов дореволюционной жизни всей семьи отца. И как бы трудно и сложно ни проходил сбор информации, но он может помочь найти и отчество деда, и откуда он призывался в армию, и в какой воинской части воевал. И тогда архиву Министерства обороны будет чуть легче, как они писали мне, определить судьбу участника войны Василия Грешневикова. Такую маленькую надежду и поселили в моей душе смоленские архивисты. Десяток раз я перечитывал их письмо, и сами собой рождались мысли, что поиск нужно продолжать.

Побывав в очередной раз на могиле отца, я с уверенностью и твёрдостью в голосе сказал:

— Василич, поиск только начинается! Спи спокойно!